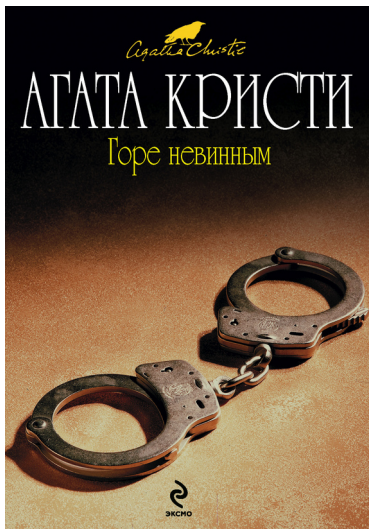

Агата Кристи Горе невинным

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148711

Горе невинным: Эксмо; М.: 2009

ISBN 978-5-699-34555-7

Аннотация

Два года прошло с тех пор, как Джек Эрджайл, осужденный за убийство матери, умер в заключении. Но вдруг ситуация меняется – из антарктической экспедиции возвращается полярный исследователь доктор Калгари. Он точно знает, что у Джека было алиби, и полон решимости отыскать настоящего преступника и оправдать осужденного, пусть и посмертно. Эрджайлы недовольны таким поворотом событий: теперь оказывается, что убийца – кто-то из них, вполне благопристойных граждан.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Агата Кристи

Горе невинным

Глава 1

Уже смеркалось, когда он оказался у переправы. Мог бы добраться туда значительно раньше, если бы сам не оттягивал эту минуту.

Он пообедал с друзьями в Редки, но во время легкой непринужденной беседы не переставал со страхом думать о предстоящем ему деле. Друзья пригласили его выпить чаю, и он снова принял их приглашение, но после чая дальнейшее промедление стало невозможным.

Заказанная машина уже ожидала его. Он распрощался с приятелями, а потом проехал семь миль по прибрежной дороге; затем шофер свернул на лесную просеку, которая привела их к маленькому каменному речному причалу.

Он вышел из такси и подергал веревку большого колокола, вызывая с противоположного берега перевозчика.

– Не желаете ли, чтобы я дождался вас, сэр? – спросил шофер.

– Нет, – ответил Артур Калгари. – Я уже заказал машину, которая встретит меня через час и отвезет прямо в Драймут.

Шофер с благодарностью принял плату за проезд вместе с чаевыми и промолвил, вглядываясь в легкую туманную дымку над рекой:

– Лодка приближается, сэр.

Пожелав доброй ночи, он развернул машину и помчался вверх по склону холма.

Артур Калгари остался один возле причала наедине со своими мыслями и мрачными предчувствиями. Какая непроходимая глушь, размышлял он, словно находишься на краю света, у заброшенного озера в Шотландии. А ведь всего в нескольких милях отсюда остались отели, магазины, коктейль-бары и запруженные людьми улицы Редки. Калгари не впервой подивился этим удивительным противоречиям английского пейзажа.

Послышались мягкие всплески весел, лодка причалила к миниатюрной пристани. Артур Калгари спустился по крутому откосу и забрался в лодку, которую лодочник удерживал багром возле причала. Это был старик, показавшийся Калгари таким же древним, как и его лодка, и уж наверняка не менее дряхлым.

Холодный морской ветер бороздил поверхность реки.

– Промозглый вечер, – заметил лодочник.

Калгари согласился, что сегодня значительно холоднее, чем было вчера.

Он заметил, или ему это показалось, будто под напускным равнодушием в глазах лодочника затаилось любопытство. Вполне понятно, Калгари в этих краях чужак, а туристский сезон закончился. Более того, незнакомец переправляется через реку в неурочный час – поздновато для чая в кафе возле пристани. И вещей при нем нет, значит, не намерен здесь оставаться. (В самом деле, недоумевал Калгари, отчего он так припозднился? Не потому ли, что подсознательно откладывал эту минуту? Откладывал до последнего.) И вот он переходит через Рубикон... через реку... реку... память подсказала название другой реки... Темзы.

Его мысленному взору (неужели это было только вчера?) предстал человек, сидящий за столом напротив него. В задумчивых глазах скрывалось что-то затаенное, невысказанное... Видимо, подумал Калгари, эти глаза способны скрывать свои тайны.

Ужасная обязанность возложена на него. Но он должен ее исполнить, а потом... потом забыть обо всем!

Он нахмурился, припомнив вчерашний разговор. Приятный, спокойный, с хитрецей голос спросил:

– Вы твердо решили, доктор Калгари?

– Что же мне осталось? – раздраженно ответил он. – Неужели вы не понимаете? Вы не согласны? От этого не уйдешь.

Собеседник отвел в сторону свои серые глаза, скрывая хитринку во взгляде, но его ответ слегка удивил Калгари.

– Все нужно обдумать, рассмотреть вопрос со всех точек зрения.

– А не кажется ли вам, что есть лишь одна точка зрения – требование справедливости?

Он горячился, в какое-то мгновение ему показалось даже, что собеседник самым бесчестным образом пытается увильнуть в сторону.

– В определенной степени – да. Но знаете, иногда есть нечто более важное, чем пресловутая справедливость.

– Не согласен. Надо подумать о семье.

– Именно так, я как раз и имел в виду семью, – без промедления ответил собеседник.

Это возражение показалось Калгари несусветной чепухой! Потому что, если кто-то подумал о семье...

Однако ход его мысли нарушил тот же самый приятный и спокойный голос:

– Предоставляю вам самому во всем разобраться, доктор Калгари. Поступайте как знаете.

Под днищем лодки зашуршала земля. Рубикон перейден.

С мягким выговором, свойственным жителям западной части Англии, лодочник произнес:

– С вас четыре пенса, сэр, или вы еще поедете назад?

– Не поеду, назад дороги нет, – несколько высокопарно отозвался Калгари и, расплатившись с лодочником, поинтересовался: – Вам знаком дом под названием «Солнечное гнездышко»?

В глазах у старика блеснуло любопытство.

– Хм, конечно. Вон там вверху справа, за деревьями. Подниметесь на холм и вправо по новой дороге через строящийся поселок. Их дом последний, в самом конце.

– Благодарю вас.

– Вы сказали «Солнечное гнездышко», сэр? Где миссис Эрджайл...

– Да, да, – перебил его Калгари. Не хотелось говорить на эту тему. – «Солнечное гнездышко».

Странная усмешка искривила губы лодочника, напомнившего вдруг собой старого хитрого фавна.

– Так она назвала дом... во время войны. Дом новый, только что построен... и названия у него не было. А земля, где его построили... лес кругом... «Змеиное гнездышко», вот так! Но «Змеиное гнездышко» не для нее... не для ее дома название. Назвали «Солнечное гнездышко», как она захотела. А мы-то его по-прежнему «Змеиным гнездышком» зовем.

Калгари поблагодарил старика, пожелал ему доброго вечера и начал подниматься на холм. Обитатели поселка уже разбрелись по домам, но Калгари чудилось, будто невидимые глаза пристально разглядывают его сквозь окна коттеджей; все следят за ним, видно, знают, куда он идет. И шепчутся: «Он идет в „Змеиное гнездышко“...»

«Змеиное гнездышко». Какое ужасное, но точное название... острое, как зубы змеи.

Он решительно отогнал терзавшие его мысли. Надо взять себя в руки, надо тщательно обдумать, что он собирается сказать...

Калгари прошел в конец новой красивой улицы, по обеим сторонам которой находились новые красивые дома. При каждом доме был свой сад площадью восемь акров. Вьюнки, хризантемы, розы, герани – самые разнообразные цветы свидетельствовали о личных вкусах владельцев.

Дорога упиралась в ворота, на них готическими буквами было начертано: «Солнечное гнездышко». Он отворил калитку, прошел в нее и зашагал по тропинке. Перед ним возвышался дом – добротное построенное, но безликое современное здание с декоративным фронтоном и порталом. Такой дом можно увидеть в любом благоустроенном пригороде или вновь застроенном районе. Непривлекательный, по мнению Калгари, но вполне солидный. Река в этом месте делала крутой поворот. На противоположном берегу ее поднимался поросший лесом холм, а вдали слева по течению виднелись луга и фруктовые сады.

Ворох денег и абсолютное отсутствие воображения вместо хорошего вкуса, скромности и умеренности.

Естественно, он не порицал Эрджайлов за подобную безвкусицу. Они лишь купили этот дом, а не строили его. И все-таки кто-то из них (уж не миссис ли Эрджайл?) его выбрал...

Он решил не терять времени и нажал кнопку электрического звонка. Постоял в ожидании и снова позвонил.

Неожиданно для него дверь отворилась.

Калгари, вздрогнув, подался назад. Его разыгравшемуся воображению предстала, казалось, сама Трагедия. Это юное лицо... оно лишь усиливало впечатление трагизма. Он подумал, что трагическое всегда должно принимать обличье молодости, бессильной перед неотвратимостью Грядущего, – олицетворения безжалостной Судьбы.

Собравшись с мыслями, он про себя отметил: «Лицо, похоже, ирландское». Глубокие, голубые, обрамленные темными тенями глаза, зачесанные назад черные волосы, красивое, тронутое печалью лицо.

Девушка окинула его внимательным неприветливым взглядом:

– Да? Что вам надо?

– Мистер Эрджайл у себя?

– Да. Но он никого не принимает. Я хотела сказать, не принимает посторонних. Он ведь не знает вас, да?

– Нет. Не знает, но...

Девушка уже начала прикрывать дверь.

– Вам следует написать...

– Простите, у меня к нему важное дело. Вы мисс Эрджайл?

– Да. Я Хестер Эрджайл, – утвердительно проворчала она. – Но отец никого не принимает, если с ним не договориться заранее. Вам лучше написать.

– Я приехал издалека...

Хестер продолжала стоять как вкопанная.

– Все так говорят. Думаю, когда-нибудь этому настанет конец. – В ее голосе чувствовалось пренебрежение. – Полагаю, вы репортер?

– Нет, ничего подобного.

Она подозрительно оглядела его:

– Хм, чего же в таком случае вам надо?

Позади нее, в глубине вестибюля, Калгари заметил другое лицо. Плоское, некрасивое, напомнившее ему оладушку, то было лицо пожилой женщины. Вьющиеся, тронутые седой волосы, казалось, были приклеены к затылку, а голова на длинной шее, словно у дракона, раскачивалась в воздухе.

– Дело касается вашего брата, мисс Эрджайл.

Хестер надсадно задышала.

– Майкла? – спросила она с опаской.

– Нет, Джека.

– Я так и знала! – взорвалась Хестер. – Знала, что дело касается Джако! Вы когда-нибудь оставите нас в покое? Ведь все закончилось. Чего вы надоедаете?

– Не следует говорить, что все закончилось.

– Но дело, безусловно, закончилось! Джако уже нет в живых, что вы над ним издеваетесь? Все в прошлом. Если вы не журналист, значит, вы врач, или психолог, или что-нибудь вроде этого. Уходите, пожалуйста. Не надо тревожить отца, он занят.

Хестер решительно взялась за ручку двери. Калгари наконец сделал то, что ему надлежало сделать с самого начала и о чем он впопыхах совершенно забыл. Он вытащил из кармана и протянул ей письмо.

– У меня письмо от мистера Маршалла.

Она была явно поражена. Пальцы нерешительно дотронулись до конверта.

– От мистера Маршалла... из Лондона? – неуверенно произнесла она.

Маячившая в глубине коридора женщина вышла вперед и подозрительно уставилась на Калгари, вызвав в его памяти нечто, смутно напоминавшее монастырь. Конечно, это же типичная монахиня! С обрамляющими лицо светлыми завитками, облаченная в черные одежды. Такие люди не склонны к задумчивой созерцательности, но, приученные к монастырским порядкам, подозрительно разглядывают пришельца сквозь едва приоткрытую массивную дверь, после чего неохотно впускают его в прихожую или отводят к матушке настоятельнице.

– Вы от мистера Маршалла?

Вопрос прозвучал почти как обвинение.

Хестер внимательно рассматривала оказавшийся у нее в руке конверт.

Калгари, все еще стоя у порога, мужественно выдерживал неприязненные и подозрительные взгляды смахивающей на дракона монахини.

Ему хотелось что-то сказать, но ничего подходящего не приходило в голову. Поэтому он благоразумно помалкивал.

Вдруг откуда-то издали донесся неприятливый голос Хестер:

– Отец говорит, что он может подняться.

Цербер, стерегший Калгари, неохотно отступил в сторону, не утратив при этом своей подозрительности. Калгари прошел в вестибюль, положил шляпу на стул и поднялся по лестнице.

В доме его поразила прямо-таки стерильная чистота. Подобное обычно доводилось видеть лишь в дорогих лечебницах.

Хестер провела его по коридору, они спустились по коротенькой лестнице, состоящей из трех ступенек. Потом она распахнула дверь, жестом пригласила Калгари войти и, последовав за ним, прикрыла за собой дверь.

Они оказались в библиотеке, и Калгари с удовольствием запрокинул вверх голову. Интерьер этой комнаты разительно отличался по духу от всего остального дома. Несомненно, здесь человек жил, работал, проводил свой досуг. Стены были уставлены книгами, массивные кресла довольно потрепаны, но удобны. На письменном столе веселил взор ворох бумаг, по столикам тоже валялись книги. Калгари заметил очаровательную молодую женщину, вышедшую из комнаты через дверь в дальнем конце. Затем его внимание привлек поднявшийся навстречу человек, держащий в руке вскрытое письмо.

В глаза бросилась невероятная худоба этого человека, почти полная бестелесность, в чем только душа держалась. Казалось, перед вами предстал выходец с того света! Голос у него был приятный, хотя и не совсем отчетливый.

– Доктор Калгари? – произнес он. – Присаживайтесь.

Калгари сел. Не отказался от сигареты. Хозяин опустился в кресло напротив. Двигался он не торопясь, будто жил в мире, где время ничего не значило. На лице Лео Эрджайла появилась едва приметная улыбка, разговаривая, он поглаживал письмо бескровными пальцами.

– Мистер Маршалл пишет, что вы хотите сообщить нам нечто важное, но не указывает подробностей. – Улыбка обозначилась явственнее, он продолжал: – Юристам присуща осторожность в формулировках, не так ли?

Калгари с удивлением подумал, что перед ним находится счастливый человек. То была не безудержная веселая радость, неотъемлемый спутник счастья, но окрашенная грустью, притаившаяся в душе внутренняя удовлетворенность. Для этого человека внешний мир не имел никакого значения, и он наслаждался своей независимостью. Калгари не знал, почему его так поразило это обстоятельство, но воспринял его как должное.

– Вы очень добры, что согласились меня принять, – сказал он. Это было стандартное, ни к чему не обязывающее вступление. – Я полагал, что лучше приехать самому, чем написать. – Калгари помолчал и продолжил вдруг с внезапной горячностью: – Тяжело... очень тяжело...

– Мы попусту теряем время. – Лео Эрджайл был вежлив и непроницаем. Он наклонился вперед; непринужденность его манер располагала к доверительности. – Поскольку вы привезли письмо от Маршалла, я догадался, что ваш приезд имеет отношение к судьбе моего несчастного сына Джако... Джека... Джако мы называли его в семье.

Все слова и фразы, которыми заранее запасся Калгари, выскочили у него из памяти. Сохранилась лишь одна удручающая реальность, о которой ему предстояло поведать. Как это лучше сделать, он не знал.

– Ужасно тяжело...

Наступило молчание.

– Если вам это поможет... – нарушил молчание Лео, осторожно выговаривая слова, – то мы полностью отдавали себе отчет... Джако вряд ли можно было назвать нормальной личностью. Что бы вы ни сказали, нас ничто не удивит. Когда произошла эта жуткая трагедия, я ни минуты не сомневался: Джек не понимал, что он делает.

– Разумеется, не понимал.

Это сказала Хестер. Калгари вздрогнул от неожиданности и тут же забыл о девушке. Она присела на ручку кресла, стоявшего у него за спиной, и взволнованно заговорила:

– Джако всегда был ужасен. Как ребенок... если тот из себя выйдет. Схватит, что попадется под руку... и в вас запустит...

– Хестер... Хестер... дорогая, – с болью в голосе проговорил Эрджайл.

Смутившись и вспыхнув, девушка вскинула руку к губам.

– Извините, – сказала она. – Мне не следовало... я забылась... я... я... не должна была так говорить... теперь он... теперь все кончено и... и...

– Да, с этим покончено, – молвил Эрджайл. – Все в прошлом. Я старался... все мы старались... воспринимать мальчика как инвалида. Природа просчиталась, вот в чем дело. – Он взглянул на Калгари: – Вы согласны?

– Нет, – решительно возразил тот.

Наступила тишина. Резкое возражение, прозвучавшее как выстрел, повергло слушателей в недоумение. Калгари стало не по себе.

– Я... Извините, но вы еще ничего не знаете...

– О! – задумчиво протянул Эрджайл. Потом обернулся к дочери: – Хестер, думаю, тебе лучше уйти...

– И не подумаю! Затем я пришла... хочу знать, что все это значит.

– Но это может быть не совсем приятно...

– Какие такие гадости еще натворил Джако? – нервно воскликнула Хестер. – Теперь все уже кончено.

– Поверьте мне, пожалуйста... речь совсем не о том, что ваш брат что-то натворил... как раз наоборот, – торопливо заговорил Калгари.

– Не понимаю.

Дверь в дальнем конце комнаты растворилась, появилась давешняя молодая женщина. Она была в пальто, с папкой для бумаг в руках.

– Я уйду. Есть еще что-то для меня? – обратилась она к Эрджайлу.

Эрджайл после некоторого колебания (он вечно колеблется, подумал Калгари) притянул женщину за руку.

– Садись, Гвенда, – сказал он. – Это, хм... доктор Калгари. Это мисс Воугхан, которая... – он замялся, – которая вот уже несколько лет является моим секретарем. – И добавил: – Доктор Калгари хочет рассказать нам... или спросить нас про Джако...

– Рассказать кое-что, – перебил его Калгари. – А вы, сами того не понимая, все более усложняете мою задачу.

Оба удивленно на него посмотрели, но во взгляде Гвенды Воугхан отразилось понимание. Похоже, она заключила с Калгари молчаливый союз, ободрив его невысказанными словами: «Да... знаю, какие сложности ожидают Эрджайлов».

Соблазнительная молодая женщина, подумал Калгари, впрочем, не такая уж и молодая... лет тридцать семь или тридцать восемь. Статная фигура, черные волосы, такие же глаза, здоровая и энергичная – словом, кровь с молоком. Кажется, достаточно сведуща и умна.

Эрджайл заметил с налетом холодной учтивости в голосе:

– Не думал усложнять вашу задачу, доктор Калгари. Определенно, это не входило в мои намерения. И если вы перейдете к сути дела...

– Да, вы правы. Простите мне мое замечание. Но вы и ваша дочь настойчиво подчеркивали, что все прошло... завершилось... закончилось. Нет, не закончилось. Кто это сказал: «Ничто и никогда не завершается, пока...»

– «Пока не приходит к благополучному исходу», – подсказала мисс Воугхан. – Киплинг. Она ободряюще кивнула, и Калгари был ей за это признателен.

– Перехожу к делу, – продолжил он. – Выслушав меня, вы поймете мою... мою нерешительность. Более того, мою растерянность. Для начала несколько слов о себе. Я геофизик, недавно участвовал в одной антарктической экспедиции. Несколько недель назад возвратился в Англию.

– Это экспедиция Хайеса Бентли? – спросила Гвенда.

Калгари доброжелательно взглянул на нее:

– Да. Экспедиция Хайеса Бентли. Рассказываю вам это, чтобы объяснить, кто я такой и почему около двух лет ничего не знал о происшедших событиях.

Гвенда опять поспешила ему на помощь:

– Вы имеете в виду... убийство?

– Да, мисс Воугхан, именно это я имею в виду. – Он обернулся к Эрджайлу: – Пожалуйста, простите меня, если причиняю вам боль, но необходимо уточнить некоторые факты и даты. Девятого ноября позапрошлого года примерно в шесть часов вечера ваш сын Джек Эрджайл (или, по-вашему, Джако) пришел домой, чтобы поговорить со своей матерью, миссис Эрджайл.

– Да, с моей женой.

– Он сказал ей, что у него затруднения, и потребовал денег. Такое случалось и раньше...

– Много раз, – с тяжелым вздохом согласился Лео.

– Миссис Эрджайл отказала ему. Он начал браниться, угрожать. Наконец выскочил опрометью из дома, закричав, что скоро вернется и что ей придется «изрядно раскошиться». И еще он сказал: «Ты же не хочешь, чтобы меня посадили в тюрьму, а?» – и она ответила: «Начинаю думать, тебе было бы неврдно там побывать».

Эрджайлу стало явно не по себе.

– Мы с женой часто об этом беседовали. Мальчик доставлял нам кучу неприятностей. Не раз его выручали, думали, образумится. Считали, что тюремный приговор... будет ему уроком... – едва слышно произнес Лео. – Но продолжайте, пожалуйста.

И Калгари продолжил свой рассказ:

– В тот вечер ваша жена была убита. Ее ударили кочергой и проломили череп. На кочерге остались отпечатки пальцев вашего сына, из ящика бюро исчезла значительная сумма денег. Полиция задержала вашего сына в Драймуте. У него нашли деньги, по преимуществу пяти- и десятифунтовые купюры, на одной из которых были написаны имя и адрес. Это позволило установить, что именно эти деньги миссис Эрджайл получила в банке утром того дня. Вашего сына предали суду. – Калгари замолчал. – Суд установил, что было совершено умышленное убийство.

Наконец он произнес это роковое слово – **УБИЙСТВО...**

– От вашего адвоката мистера Маршалла я узнал, что ваш сын, когда его арестовали, горячо и страстно доказывал свою невиновность, настаивал на своем неопровержимом алиби. Убийство, как установила полиция, произошло между семьей и половиной восьмого вечера. В это время Джек Эрджайл, как он утверждал, добирался на попутных машинах до Драймута. Около семи часов примерно в миле отсюда, на шоссе, соединяющем Редмин с Драймутом, его подобрала какая-то машина. Из-за темноты он не заметил характерных особенностей автомобиля, помнил только, что кузов был черного или темно-голубого цвета, а за рулем сидел человек среднего возраста. Попытки отыскать эту машину и ее водителя не увенчались успехом, и судья решил, что мальчик второпях сочинил свою историю, да к тому же не очень ладно ее скроил... На суде защита пыталась использовать психологические доводы, доказывала душевную неуравновешенность Джека Эрджайла. Судья посчитал, что преступление подтверждено и виновный заслуживает тюремного наказания. Джек Эрджайл был приговорен к пожизненному заключению. Спустя полгода он умер в тюрьме от воспаления легких.

Калгари замолчал. Три пары глаз неотрывно смотрели на него. Во взгляде Гвенды Воугхан светилась заинтересованность и напряженное внимание, во взгляде Хестер явно прочитывались подозрительность и опаска. Взгляд Лео Эрджайла не выражал никаких определенных эмоций.

– Вы подтверждаете, что я правильно изложил факты? – снова заговорил Калгари.

– Абсолютно правильно, – произнес Лео, – Впрочем, не понимаю, какая нужда была ворошить эти прискорбные обстоятельства, которые мы все стремимся поскорее забыть.

– Простите меня, я должен был так поступить. Мне кажется, вы согласны с приговором. Или я ошибаюсь?

– В общем-то факты подтвердились. Если в них особенно не копать, убийство было жестоким и грубым. Если же в фактах покопаться, можно найти смягчающие обстоятельства. Мальчик страдал душевной неуравновешенностью, но, к сожалению, не в той мере, как требует закон для освобождения от наказания. Уверяю вас, доктор Калгари, сама Рэчел... моя жена... первая простила бы мальчика и извинила его необузданность. Она была образованным и гуманным человеком, хорошо разбиралась в психологических нюансах. Она не допустила бы осуждения.

– Мама хорошо знала нашего кошмарного Джако, – сказала Хестер. – Ему на роду было это написано.

– Значит, никто из вас, – медленно произнес Калгари, – не имеет ни малейших сомнений? Никто не сомневается в его виновности?

– Можно ли сомневаться? Конечно, он преступник! – Хестер в упор смотрела на Калгари.

– Не совсем преступник, – возразил Лео. – Не люблю этого слова.

– В данном случае несправедливое слово. – Калгари набрал в грудь побольше воздуха. – Джек Эрджайл – невиновен!

Глава 2

Это было потрясающее заявление, но оно не произвело должного эффекта. Калгари ожидал смущения, негодующих возгласов, недоуменных вопросов, но ничего такого не дождался. Гвенда Воугхан нахмурилась. Хестер уставилась на него широко раскрытыми глазами. Ну что ж, может быть, такая реакция выглядела естественной – подобные заявления трудно немедленно осознать.

Лео Эрджайл нерешительно произнес:

– Вы хотите сказать, доктор Калгари, что разделяете мою точку зрения? Считаете, что он не отвечал за свои действия?

– Я хочу сказать, что он не совершал преступления! Вам ясно? Джек невиновен. Не мог быть виновным. Но в силу необычного и прискорбного стечения обстоятельств он не был в состоянии доказать свою невиновность. А я могу это доказать.

– Вы?

– Я тот самый человек, который находился тогда в пресловутой машине.

Он произнес эти слова с такой естественной непринужденностью, что в первый момент никто не понял, о чем идет речь. Прежде чем они осознали смысл сказанного, беседа неожиданно прервалась. Открылась дверь, и вошла женщина с некрасивым, простоватым лицом. Не мешкая, она приступила к делу.

– Я проходила мимо и все слышала. Этот человек утверждает, что Джако не убивал миссис Эрджайл. Почему он так говорит? С чего он это взял?

Воинственное, злое лицо ее от возбуждения покрылось морщинами.

– Надо разобраться, – бубнила она. – Я не могла не вмешаться.

– Разумеется, Кирсти. Вы член семьи. – Лео Эрджайл представил вошедшую: – Мисс Линдстрем, доктор Калгари. Доктор Калгари сообщил нам совершенно невероятные вещи.

Шотландское имя Кирсти резануло слух Калгари. Она превосходно говорила по-английски, хотя и с едва заметным иностранным акцентом.

– Лучше бы вы не приходили сюда и ничего подобного не рассказывали... только людей огорчаете, – осуждающим тоном произнесла Кирсти. – Они смирились со своим горем. Теперь вы расстроили их своими рассказами. Если и произошло несчастье, так на то Господня воля.

Ее самоуверенность поначалу смутила Калгари. Видно, она из породы людей, в чье тоскливое существование несчастья и катастрофы вносят приятное разнообразие. Что ж, он сейчас лишит ее иллюзий.

И Калгари продолжал сухим, деловым тоном:

– В тот вечер без пяти минут семь на дороге от Редмина до Драймута я посадил в машину молодого человека, который сигнализировал, подняв вверх большой палец. Я отвез его в Драймут. Мы разговорились. Он оказался общительным и очень симпатичным парнем.

– Джако было не занимать обаяния, – заметила Гвенда. – Его все находили привлекательным до тех пор, пока его не заносило. Тогда он, конечно, выкидывал коленца, – задумчиво добавила она. – Но люди не сразу это понимали.

– Помолчали бы, его уже нет в живых. – Мисс Линдстрем обернулась к Гвенде.

– Продолжайте, пожалуйста, доктор Калгари. Почему вы тогда об этом не заявили? – произнес Лео Эрджайл с ноткой строгости в голосе.

– Да, – еле слышно прошептала Хестер. – Почему вы юркнули в кусты? Все газеты были полны обращениями, призывами... Можно ли быть таким эгоистичным, таким жестоким?

– Хестер, Хестер! – остановил ее отец. – Доктор Калгари еще не все рассказал.

Калгари обратился непосредственно к девушке:

– Мне понятна ваша горячность. Я бы и сам реагировал таким образом... – Он осекся и тут же снова заговорил: – Продолжу свою историю. В тот вечер все дороги были забиты машинами. Далеко за половину восьмого в центре Драймута я высадил молодого человека, чье имя так и не узнал. Это, насколько я понимаю, полностью снимает вину с Джека, ведь полиция не сомневается, что преступление совершено между семью и половиной восьмого.

– Да, – сказала Хестер. – Но вы...

– Не торопитесь, пожалуйста. Чтобы все стало понятно, мне надо немножечко отступить назад. В Драймуте я остановился на пару дней в квартире одного моего приятеля. Этот приятель, профессиональный моряк, находился в плавании. Он же одолжил мне свою машину, припаркованную на частной стоянке. В тот злосчастный день, девятого ноября, я должен был вернуться в Лондон. Решил ехать вечерним поездом, а днем навестить свою старую няню, любимицу нашей семьи, обитавшую в маленьком коттедже в Полгарфе, примерно в сорока милях на запад от Драймута. Намеченную программу я выполнил. Хотя старушка сильно одряхла и многое в ее сознании уже путалось, няня узнала меня, очень обрадовалась и разволновалась, поскольку читала в газетах про мое, как она выразилась, «путешествие к полюсу». С ней я пробыл недолго, чтобы ее не утомлять, и, уехав, решил не возвращаться в Драймут по излюбленной прямой дороге вдоль побережья, а вместо этого поехать на север в Редмин повидать престарелого каноника Пизмарша, в библиотеке которого имеются очень редкие книги, включая старинный трактат о навигации, откуда мне хотелось переписать один абзац. Старый джентльмен принципиально не пользовался телефоном, к которому относился как к дьявольскому изобретению. Такими же, по его мнению, были радио, телевизор, кино и реактивные самолеты, так что мне оставалась единственная возможность – поехать к нему домой. Увы, окна были закрыты ставнями, хозяин, очевидно, отсутствовал. Я заглянул в собор, а потом отправился в Драймут по шоссе, замкнув таким образом треугольник. У меня оставалось достаточно времени, чтобы, не торопясь, прихватить из квартиры сумку, вернуть машину на стоянку и добраться до поезда.

По пути, как уже вам известно, я прихватил пассажира, подбросил его до города, а потом занялся своими делами. По приезде на станцию в запасе у меня еще оставалось время выйти на улицу, чтобы купить сигареты. И в тот момент, когда я переходил через дорогу, меня сбил грузовик, выскочивший из-за угла на большой скорости.

По свидетельству прохожих, я поднялся с земли целым и невредимым. Сказал окружающим меня людям, что все в порядке, что я жду поезда, и пошел обратно на станцию. Уже на Паддингтонском вокзале я потерял сознание и был доставлен на «Скорой помощи» в больницу, где у меня обнаружили сильную контузию, последствия которой проявились с некоторым опозданием.

Когда через несколько дней сознание вернулось ко мне, я ничего не помнил ни про несчастный случай со мной, ни про то, как добрался до Лондона. Смутно припоминалось лишь посещение мною старой нянечки в Полгарфе. А потом в памяти был совершенный провал. Меня уверяли, что это обычное состояние. И никому в голову не пришло, что вычеркнутые из памяти часы моей жизни могут что-то значить. Ни я, ни кто-либо иной не имели ни малейшего представления, что в тот вечер я ехал по дороге Редмин – Драймут.

До отъезда из Англии времени почти не оставалось. В больнице, где я находился, мне был обеспечен абсолютный покой, даже газет не показывали. По выходе из больницы я сразу же направился в аэропорт, чтобы вылететь в Австралию, где должен был присоединиться к экспедиции. Существовали некоторые опасения, смогу ли я ехать, но я ими пренебрег. Предотъездные приготовления и волнения не оставляли возможности поинтересоваться сообщениями об убийствах, к тому же после ареста обвиняемого возбуждение в таких

случаях, как правило, стихает; когда же дело об убийстве миссис Эрджайл передали в суд и газеты вновь запестрели отчетами, я находился на пути в Антарктиду.

Он замолчал. Собравшиеся слушали его с напряженным вниманием.

– Месяц назад, сразу по возвращении в Англию, я сделал одно открытие. Для упаковки образцов понадобились старые газеты, и хозяйка принесла из кладовки целый их ворох. Расстелив одну из них на столе, я увидел фотографию какого-то молодого человека, лицо которого показалось очень знакомым. Начал вспоминать, где я видел его и кто он такой. Этого мне сделать не удалось, но, как ни странно, припомнились обрывки разговора с ним – те, что касались налимов. Сага о жизни налимов потрясла его. Но когда? Где это было? Я прочел эту статью, узнал, что молодой человек по имени Джек Эрджайл обвиняется в убийстве, узнал, как он рассказал полиции, будто кто-то подвез его в черном лимузине.

И тут, совершенно произвольно, в памяти возник исчезнувший кусок моей жизни. Ведь это я подобрал того самого парня, отвез его в Драймут, расстался там с ним, возвратился на квартиру... пересекал улицу, чтобы купить сигареты. Вспомнил промелькнувший мимо грузовик, который сбил меня с ног... а потом полнейшая пустота до самой больницы. Я все еще не помнил, как возвратился на станцию, сел в поезд до Лондона. Я читал и перечитывал эту статью. Больше года прошло, как закончился суд, дело почти забылось. «Молодой парень, что прикончил свою матушку, – что-то смутно припоминала моя хозяйка. – Не знаю, что с ним случилось, – наверное, его повесили». Я перечитал кучу газет за соответствующий период времени, потом направился в адвокатскую контору «Маршалл, Маршалл и Маршалл», которая ведала на процессе защитой. Узнал, что уже никто не освободит несчастного мальчика. Он скончался в тюрьме от воспаления легких и больше не нуждается в справедливости. Однако следует восстановить справедливость во имя его памяти. Я пошел с мистером Маршаллом в полицию. Дело передали прокурору. Маршалл не сомневается, что тот направит его секретарю палаты общин.

Вы, разумеется, получите от мистера Маршалла обстоятельный отчет. Он немного замешкался, и потому мне выпала трудная задача первым сообщить вам правду. Долг повелевает пройти тяжелый путь до конца. Чувство вины не покидает меня. Если бы я осмотрительнее переходил через улицу... – Калгари помолчал. – Понимаю ваши чувства и не жду от вас доброжелательного отношения... Хотя я ни в чем не провинился, вы все же станете меня порицать.

Голосом, трепетавшим от сердечной теплоты, Гвенда Воугхан возразила:

– Безусловно, не станем. Такие вещи случаются. Трагические, чудовищные... Так уж вышло.

– Вам поверили? – поинтересовалась Хестер.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Полиция... вам поверила? Почему они вам поверили?

Сам того не желая, Калгари улыбнулся.

– Я весьма уважаемый свидетель, – просто произнес он. – Никакой выгоды не преследую, мои показания были тщательным образом проверены, подтверждены медицинскими заключениями и множеством мельчайших подробностей. Да! Мистер Маршалл, разумеется, как и все юристы, проявил сугубую осторожность. Он не хотел возбуждать у вас иллюзий, пока сам не поверит в успех.

– Что вы понимаете под словом «успех»? – заговорил Лео Эрджайл, поерзав в кресле.

– Извините, – поспешно произнес Калгари. – Я неправильно выразился. Вашего сына привлекли к ответственности за преступление, которого он не совершал, осудили, приговорили к заключению... и он умер в тюрьме. Справедливость запоздала. Но если по закону справедливость может быть восстановлена, она должна быть восстановлена, и вы убедитесь

– будет восстановлена. Секретарь палаты общин, видимо, посоветует королеве издать указ об амнистии.

– Амнистия... за то, что он ничего не сделал? – расхохоталась Хестер.

– Понятно. Терминология никогда не отличалась точностью. Но, насколько я знаю, по закону вопрос следует поставить в палате общин. Последует однозначный ответ: Джек Эрджайл не совершал преступления, за которое его осудили. Газеты, безусловно, сообщат об этом.

Он замолчал. Никто не проронил ни единого слова. Калгари полагал, что ошеломил их и привел в состояние радостного потрясения.

– Боюсь, – нерешительно произнес он, поднявшись, – мне больше нечего вам сказать... Не стану повторять извинения, говорить о своих переживаниях и спрашивать вашего прощения... все это вы от меня уже слышали. Трагедия, завершившая жизнь этого мальчика, омрачила и мою собственную жизнь. По крайней мере... – в его голосе прозвучала надежда, – есть нечто стоящее во всем этом. Теперь вы знаете, что он не сделал этой ужасной вещи... Его имя, а это ваше имя, будет очищено от скверны.

Если он ожидал ответа, то так и не дождался.

Лео Эрджайл сидел осунувшись в своем кресле. Гвенда не сводила с него глаз. Хестер уставилась в пространство, в широко раскрытых глазах застыло страдание. Мисс Линдстрем бурчала что-то себе под нос и покачивала головой.

Калгари нерешительно остановился возле двери, оглянулся назад.

Первой решилась действовать Гвенда Воугхан. Она подошла к нему, опустила на плечо руку и тихо произнесла:

– Теперь вам лучше уйти, доктор Калгари. Слишком велико потрясение. Нужно время, чтобы его пережить.

Он кивнул и вышел из комнаты. В коридоре к нему присоединилась мисс Линдстрем.

– Я провожу вас, – сказала она.

Калгари пришел в себя, оглянулся и еще, прежде чем закрылась дверь, успел заметить, как Гвенда Воугхан опустилась на колени перед креслом Лео Эрджайла. Это немного поколебало Калгари.

Перед ним в коридоре, суровая, как жандарм, стояла мисс Линдстрем.

– Его не оживишь, – прохрипела она. – Зачем будоражить душу? Они вроде смирились, а теперь новые страдания. Покой дороже всего.

Говорила она враждебно, не скрывая неприязни.

– Его память должна быть светлой, – сказал Артур Калгари.

– Дешевые сантименты! Красивые слова. Но вы не обдумали последствий. Мужчины никогда ни о чем не думают! – Она топнула ногой. – Я всех люблю в этой семье. Пришла сюда, чтобы помогать миссис Эрджайл, в тысяча девятьсот сороковом, когда она организовала детский сад для детишек, чьи дома были разбомблены. Никакой радости эти детишки не видели. Все в доме делалось для них. Почти восемнадцать лет минуло с тех пор. А я все еще, даже после ее смерти, остаюсь здесь, приглядываю за ними, содержу дом в чистоте и уюте, слежу, чтобы они получали хорошую пищу. Я люблю их всех... Да, я люблю их... и Джако тоже. Он не был хорошим, о да! Но я его тоже любила, несмотря ни на что!

Она круто повернулась и, казалось, забыла о своем обещании проводить его. Калгари медленно спускался по лестнице. Пока он возился возле двери с замком, который ему никак не давался, по ступенькам застучали легкие шажки. Торопливо спускалась Хестер.

Она отомкнула дверь и растворила ее. Оба они разглядывали друг друга, и меньше всего он понимал, почему она смотрит на него таким тяжелым, осуждающим взглядом.

– Зачем вы пришли? – беззвучно прошептала Хестер. – О, зачем вы все-таки пришли?

– Я не понимаю вас. – Он беспомощно глядел на нее. – Неужели вы не хотите, чтобы ваш брат был реабилитирован? Не хотите, чтобы была восстановлена справедливость?

– Справедливость! – она швырнула в него это слово.

– Не понимаю, – повторил он.

– Твердите про справедливость! Какое значение она имеет теперь для Джако? Он мертв. Это не Джако касается. Нас это касается!

– Что вы хотите сказать?

– Речь не о преступнике. Речь идет о невинных. – Хестер схватила его за руку, впиалась в нее пальцами. – О нас речь. Неужели вы не понимаете, что натворили?

В темноте неясно замаячила мужская фигура.

– Доктор Калгари? – спросил мужчина. – Такси подано, сэр. Готов отвезти вас в Драймут.

– О... хм... благодарю вас.

Калгари обернулся, но Хестер на улице уже не было.

Громко хлопнула парадная дверь.

Глава 3

Хестер медленно поднималась по лестнице, устало отбросила со лба черные волосы. Наверху ее поджидала Кирстен Линдстрем.

– Ушел?

– Ушел.

– Ошеломляющее известие, Хестер. – Кирстен Линдстрем нежно положила руку ей на плечо. – Пойдемте со мной. Я дам вам немного коньяку. Чересчур все это.

– Не думаю, что мне хочется коньяку, Кирсти.

– Может, и не хочется, а польза будет.

Кирстен увлекла податливую девушку в свою комнатку. Хестер взяла коньяк, чуть-чуть пригубила.

– Слишком неожиданно, – обеспокоенно произнесла Кирстен Линдстрем. – Надо было предупредить. Почему мистер Маршалл не известил нас?

– Думаю, доктор Калгари ему не позволил. Хотел приехать и все нам рассказать.

– Вот уж действительно приехал и рассказал! Думал, нас эта новость обрадует?

– Наверное, думал, что делает нам приятный сюрприз, – сказала Хестер странным, отрешенным голосом.

– Приятный или неприятный, а сногшибательный – это уж точно. Не следовало ему так поступать.

– Но это потребовало от него некоторого мужества, – возразила Хестер. Лицо слегка зарделось. – Нелегко ему было на такое решиться. Приехать и рассказать людям, что один из членов их семьи, осужденный за убийство и умерший в тюрьме, на самом деле невиновен. Да, думаю, это потребовало от него храбрости. – И добавила с грустью: – Но лучше бы ее у него не было.

– Вот-вот, все мы того же желаем, – пробурчала мисс Линдстрем.

Хестер вдруг словно проснулась и с интересом взглянула на нее:

– Так и у вас такое же ощущение, Кирсти? А я думала, может, только у меня.

– Я не дура, – отрезала мисс Линдстрем. – Могу сообразить, что ваш доктор Калгари не все до конца продумал.

– Пойду к отцу, – сказала Хестер, поднимаясь.

– Да, – согласилась Кирстен Линдстрем, – следует обдумать, как поступить наилучшим образом.

Когда Хестер вошла в библиотеку, Гвенда Воугхан сидела у телефона. Отец поманил Хестер, она подошла и присела на ручку его кресла.

– Пытаемся дозвониться до Мэри с Мики, – сказал Лео Эрджайл. – Надо им немедленно обо всем рассказать.

– Алло, – произнесла Гвенда. – Миссис Дюрант? Мэри? Это Гвенда Воугхан. Ваш отец хочет поговорить с вами.

Подошел Лео и взял трубку:

– Мэри? Как ты? Как Филип? Хорошо. Произошло одно чрезвычайное событие. Думаю, тебе следует знать. Только что к нам приходил некий доктор Калгари. Привез с собой письмо от Эндрю Маршалла. Дело касается Джако. Оказывается... просто невероятно... Оказывается, история, которую Джако рассказал на суде, о том, что кто-то подвез его на машине до Драймута, – чистейшая правда. Этот доктор Калгари и есть человек, который его подбросил...

Он замолчал, выслушал, что ответила ему дочь.

– Да, хорошо, Мэри, не стану касаться подробностей, почему он не явился вовремя. С ним произошел несчастный случай, контузия. Все подтверждается. Я вот зачем позвонил. Думаю, нам всем надо собраться по возможности скорее. Видимо, надо пригласить Маршалла и все с ним обговорить. Считаю, что потребуются совет квалифицированного юриста. Ты сможешь приехать вместе с Филипом? Да... Да, я знаю. Дорогая, я в самом деле считаю, что это важно... Да, перезвони мне после, если захочешь. Постараюсь связаться с Мики. – Он положил трубку.

– Позвонить Мики? – К телефону подошла Гвенда.

– Если дело немного терпит, Гвенда, – вмешалась Хестер, – можно сначала позвоню я? Хочу поговорить с Дональдом.

– Разумеется, – сказал Лео. – Вы с ним собираетесь пойти куда-то вечером, да?

– Собирались, – ответила Хестер.

– Ты очень расстроилась, дорогая? – Отец окинул ее проницательным взглядом.

– Не знаю, – промолвила Хестер. – Даже не знаю, что я чувствую.

Гвенда уступила ей место у телефона, Хестер набрала номер.

– Доктора Крейга, пожалуйста. Да, да. Хестер Эрджайл говорит. – И после непродолжительного молчания: – Это ты, Дональд? Позвонила предупредить, что я не смогу пойти с тобой на лекцию вечером... Нет, я не больна, дело не в этом, просто... хм... просто... у нас довольно странные новости. – Хестер повернулась к отцу, прикрыла рукой трубку и спросила: – Это не секрет, а?

– Нет, – протянул Лео, – совсем не секрет, но... гм, я бы попросил Дональда никому пока не рассказывать. Ты же знаешь, как быстро распространяются самые нелепые слухи.

– Да, знаю. – И проговорила в трубку: – В определенном смысле новости хорошие, Дональд, но... довольно тяжелые. Не хочу об этом говорить по телефону... Нет, нет, не приезжай... Пожалуйста, не надо. Не сегодня. Возможно, завтра. Насчет Джако. Да... да... моего брата... Мы только что узнали, что он вовсе не убивал маму... Но пожалуйста, никому ничего не говори, Дональд. Я все расскажу тебе завтра... Нет, Дональд, нет. Не могу никого видеть сегодня, даже тебя. Пожалуйста. И ничего не говори. – Она положила трубку и уступила Гвенде место у телефона.

Гвенда заказала номер в Драймуте.

– Почему бы тебе не пойти на лекцию с Дональдом, Хестер? – нежно спросил Лео. – Немного развеялась бы.

– Не хочу идти, папа. Не могу.

– Говоришь, у тебя такое впечатление, что это дурные новости? Но знаешь, Хестер, это не так. Мы просто испугались. А теперь мы все счастливы, очень рады... Как же иначе?

– Именно так и следует говорить, да? – насмешливо осведомилась Хестер.

– Дорогое дитя, – попробовал урезонить ее Лео.

– Но это же неправда! – вспылила Хестер. – Это вовсе не хорошие новости. Это ужасные новости.

– Мики у телефона, – сообщила Гвенда, перебив Хестер.

Лео взял трубку. Он долго, как и дочери, объяснял сыну суть дела. Но на этот раз новость была воспринята совершенно иначе. Не было возражений, удивления, недоверия. Наоборот, последовало быстрое согласие.

– Что за черт! – послышался в трубке голос Мики. – Прошло уже столько времени! Исчезнувший свидетель! Хорошо, хорошо. Вот не повезло бедному Джако!

Снова заговорил Лео, и снова он выслушал ответ Мики.

– Да, – сказал Мики. – Согласен с тобой. Лучше побыстрее собраться и послушать советы Маршалла.

Мики коротко хохотнул, и Лео вспомнил, что он так же смеялся еще малышом, играя в саду под окнами дома.

– Можно даже поспорить, если хотите. Кто из нас убийца?

Лео швырнул трубку и быстро отошел от телефона.

– Что сказал Мики? – спросила Гвенда.

Лео повторил его слова.

– Это просто глупая шутка, – успокоила его Гвенда.

– Возможно, это вовсе не было шуткой, – тихо проговорил Лео, глядя ей в лицо.

Мэри Дюрант прошла по комнате, подобрала несколько опавших лепестков на полу у вазы с хризантемами и аккуратно положила их в мусорную корзину. Это была спокойная высокая двадцатисемилетняя женщина. Несмотря на гладкое, без морщин лицо, она все-таки выглядела старше своего возраста, возможно, из-за свойственной ей степенной дородности. Мэри была красива неброской красотой миловидной женщины: правильные черты лица, хорошая кожа, живые голубые глаза, светлые волосы, зачесанные назад и стянутые большим узлом на затылке. Она причесывалась так не потому, что такая прическа была в то время в моде, но потому, что всегда и во всем придерживалась своего собственного стиля. Мэри выглядела такой же опрятной и ухоженной, как и ее дом. Всякая пылинка, любой беспорядок в доме вызывали у нее досаду.

Мужчина в инвалидной коляске смотрел, как тщательно она подбирала опавшие лепестки, и криво усмехался.

– Опять хлопчешь, – сказал он. – Каждому свое место, и все на своих местах.

Эти слова, сопровождавшиеся раздраженным смехом, не смутили, однако, Мэри Дюрант.

– Люблю аккуратность, – согласилась она. – Знаешь, Фил, чувствуешь себя скверно, если дом напоминает свинарник.

– Что ж, во всяком случае, я беспорядка не делаю, – произнес с горечью муж.

Вскоре после свадьбы Филипа Дюранта парализовало. Для Мэри, которая его обожала, он стал и ребенком и мужем одновременно. Ее властная любовь временами приводила его в замешательство. Жена никак не хотела понять, что неумная заботливость иногда довольно сильно утомляет мужа.

Он торопливо заговорил, видимо, боялся, как бы она опять не принялась охать и сочувствовать.

– Должен сказать, что новости, которые сообщил твой отец, требуют разъяснения! Столько времени пролетело! Как тут не нервничать?

– Я едва поняла, о чем идет речь... Это так неправдоподобно. Сперва я просто не поверила. Если бы такое сказала Хестер, а не отец, я бы приписала все ее необузданному воображению. Ты ведь знаешь, что представляет собой Хестер.

Лицо Филипа смягчилось. Он с нежностью произнес:

– Неистовое, страстное существо, ищущее всю жизнь невзгоды и умеющее их находить.

Мэри пропустила мимо ушей это замечание. Характеры других людей не интересовали ее.

– Наверное, это все-таки правда? – продолжала она. – Ты не думаешь, что этот человек просто дал волю своей фантазии?

– Рассеянный ученый? Хорошо бы, если так, – проговорил Филип, – но, кажется, и Эндрю Маршалл отнесся к вопросу довольно серьезно. А «Маршалл, Маршалл и Маршалл» весьма солидная адвокатская фирма, да будет тебе известно.

– Что же все это означает, Фил? – спросила, насупившись, Мэри Дюрант.

– Это значит, – ответил Филип, – что Джако будет полностью реабилитирован, если власти сочтут дело доказанным. А о другом, полагаю, и речь не идет.

– О, как хорошо, – вздохнула Мэри, – как славно.

Филип Дюрант снова рассмеялся горьким, язвительным смехом.

– Полли! – сказал он. – Ты уморишь меня.

Муж иногда называл ее Полли. Это имя абсолютно не соответствовало ее величественной внешности. Она с удивлением поглядела на Филипа:

– Не понимаю, что тебя развеселило.

– Ты так изящно выразишься. Словно торговка, расхваливающая на базаре изделия деревенских недотеп.

– Но это и в самом деле славно! – еще более удивилась Мэри. – Теперь нет нужды делать вид, что все в порядке, и забывать о случившемся в нашем доме убийстве.

– Ну, не совсем в нашем.

– Это практически то же самое. Все это нервирует и в высшей степени удручает, когда за твоей спиной досужие языки перешептываются. Мерзость какая-то.

– Но ты держись молодцом, – возразил Филип. – Заморозишь болтунов ледяным взглядом своих голубых глаз, собьешь с них спесь и заставишь самих себя устыдиться. Просто удивительно, как тебе удастся скрывать свои эмоции.

– Противно это, крайне неприятно, – сказала Мэри, – но, как бы то ни было, он умер, и разговорам конец. А теперь... теперь, полагаю, снова начнут ворошить старое. Устала я.

– Да, – задумчиво протянул Филип. Он вздрогнул, на лице мелькнула гримаса страдания. Жена подскочила к нему:

– Тебе нездоровится? Подожди. Дай поправлю подушку. Вот так. Теперь лучше?

– Тебе бы в больнице сиделкой работать.

– Меньше всего хотела бы ухаживать за другими людьми. Только за тобой.

Это были простые, безыскусные слова, но под ними таилась глубокая бездна невысказанного чувства.

Завонил телефон. Мэри подошла к нему, сняла трубку.

– Это Мики, – пояснила она Филипу. – Да... Мы уже слышали. Отец звонил... Хм, разумеется... Филип говорит, что, если юристы найдут доказательства убедительными, все будет хорошо. В самом деле, Мики, не понимаю, чем ты так огорчен... Не считаю себя идиоткой... Мики, я действительно не думаю, что ты... Алло! Алло! – Мэри нахмурилась и опустила трубку. – Он не захотел разговаривать. В самом деле, Филип, я не понимаю Мики.

– Чем именно он тебя огорчил?

– Хм, он будто взбесился. Назвал меня идиоткой, сказал, что я не задумываюсь о последствиях. К черту! Так и сказал. Но почему? Не понимаю.

– Испугался, наверное, а? – в раздумье произнес Филип.

– Но почему?

– Хм, знаешь, он прав. Последствия неизбежны.

Мэри окончательно растерялась:

– Думаешь, снова всколыхнется интерес к этому делу? Конечно, я рада, что имя Джако больше не замазано, но тошно делается, когда народ языки распускает.

– Не в том дело, что соседи скажут. Есть вещи и поважнее. Полиция заинтересуется, вот!

– Полиция? – всполошилась Мэри. – Им-то что за дело?

– Моя дорогая девочка, подумай, – сказал Филип.

Мэри медленно подошла к нему, присела рядом.

– Понимаешь, преступление оказывается нераскрытым, – подсказал ей Филип.

– Станут ли они из-за этого беспокоиться? Столько времени прошло!

- Приятно лелеять иллюзии, – иронически заметил Филип, – но боюсь, дело дрянь.
- Ведь они сами напутали... возвели на Джако напраслину... захотят ли начать все снова?
- Они-то, может, и не захотят – но будут обязаны! Закон есть закон.
- О, Филип, уверена, ты ошибаешься. Поговорят немного, на этом все и закончится.
- А жизнь наша будет счастливой и безмятежной, – поддразнил ее Филип.
- Почему бы и нет?
- Не так все просто. – Он покачал головой. – Твой отец прав. Нужно всем собраться и посоветоваться. И пригласить Маршалла.
- Считаешь, что надо поехать в «Солнечное гнездышко»?
- Да.
- Но мы не можем.
- Почему?
- Это неосуществимо. Ты болен и...
- Я не болен, – раздраженно произнес Филип. – Я достаточно здоров и крепок. Ноги вот только отказали. А дай мне подходящий транспорт, я и до Тимбукту доберусь.
- И спорить не хочу, проку нет тащиться в «Солнечное гнездышко». Начнут перетряхивать старое...
- Меня это не тревожит.
- ...И дом не на кого оставить. А кругом полно грабителей.
- Попросим кого-нибудь переночевать.
- Легко говорить... будто это так просто.
- Старая миссис Уотсхернейм может приходить ежедневно. Да перестань все валить на хозяйство, Полли. Видно, ты не хочешь ехать.
- Да, не хочу.
- Мы там долго не задержимся, – убеждал ее Филип. – Но думаю, ехать надо. Это тот случай, когда вся семья должна объединиться. Покажем людям, чего мы стоим.

В Драймуте Калгари рано поужинал в отеле и поднялся в свой номер. Посещение «Солнечного гнездышка» глубоко потрясло его. Он исполнил свою тягостную обязанность, хотя потребовалось немало душевных сил, чтобы на это отважиться. К тому же пришлось столкнуться с такими проблемами, каких он не мог и предвидеть. Калгари вытянулся на кровати, закурил и попытался припомнить, как все было.

Перед ним, словно живое, возникло лицо Хестер в минуту прощания. С каким презрением отвергла она его упоминания о справедливости! Что она сказала? «Речь не о преступнике, речь идет о невинных». И еще: «Неужели вы не понимаете, что натворили?» Но что же он натворил? Непонятно.

А другие? Женщина, которую они называли Кирсти... Кстати, почему Кирсти? Имя шотландское, но она явно не из Шотландии, а скорее из Дании или из Норвегии. Почему же эта женщина разговаривала с ним так сурово, так пренебрежительно?

И Лео Эрджайл тоже произвел странное впечатление... какой-то растерянный, подозрительный. Даже не сказал: «Слава богу, мой сын невиновен!» – что было бы вполне естественно в его положении!

А эта женщина, секретарь Лео, очень добрая, хотела ему помочь. Но и она вела себя необычно. Калгари вспомнил, как она опустилась на колени у кресла Эрджайла и, видимо, столь эмоциональным образом выразила ему свое сочувствие. Почему она сочувствовала ему? Потому что его сын не оказался убийцей? Безусловно, она для него более чем секретарь, особенно если учесть, что проработала с ним уже много лет... Что все это означает? Почему они...

Зазвонил телефон, и Калгари поднял трубку.

– Доктор Калгари? Вас спрашивают.

– Меня? – Он удивился. Ведь, кажется, никто не знает, что он проводит ночь в Драймуте. – Кто же это?

– Мистер Эрджайл, – последовал ответ портъе после непродолжительной паузы.

– О! Попросите его... – произнес Артур Калгари и запнулся. Он едва не сказал: «Подождать в вестибюле, я сейчас спущусь», но вовремя спохватился. Если Лео Эрджайл счел необходимым отправиться в Драймут и сумел разузнать, где он остановился, вряд ли будет удобно разговаривать с ним при посторонних.

– Попросите его подняться ко мне, хорошо?

Встав с кровати, на которой он так удобно устроился, Калгари начал расхаживать по комнате. Вскоре в дверь постучали, он подошел и открыл ее.

– Проходите, мистер Эрджайл, я...

Удивление помешало ему договорить. Перед ним стоял не Лео Эрджайл, а какой-то взволнованный молодой человек, чье красивое смуглое лицо выражало досаду, горечь и злость.

– Не ждали меня? – осведомился незнакомец. – Ожидали... папашу? Я Майкл Эрджайл.

– Входите.

Калгари закрыл дверь за своим посетителем.

– Как вы узнали, что я здесь? – спросил он, протягивая гостю портсигар.

– Плевое дело! – Майкл взял сигарету, издав какой-то неприятный смешок. – Начал обзванивать гостиницы в надежде, что вы здесь заночевали. Попал со второй попытки.

– Зачем я вам понадобился?

– Хотел поглядеть, что вы за парень, – неторопливо ответил Майкл. Он окинул Калгари оценивающим взглядом, заметил чуть сутулые плечи, седеющие волосы, худое, нервное лицо. – Значит, вы один из тех парней, что ходили с Хайесом Бентли на полюс. На крепыша не похожи.

– Внешность бывает обманчивой, – пояснил Калгари с едва заметной улыбкой. – Я достаточно крепок. Тут требуется не одна лишь сила мышц. Нужны и другие качества: выносливость, терпение, технические знания.

– Сколько вам, сорок пять?

– Тридцать восемь.

– Выглядите старше.

– Да... да, наверное. – Поведение этого великовозрастного наглеца вызывало щемящее чувство досады, и огорченный Калгари резко спросил: – Так что же вам надо?

– Дело естественное, не так ли? – Парень нахмурился. – Вот узнал про ваши новости. О моем дорогом братце.

Калгари промолчал.

– Только поздновато они подросли, а? – продолжал Майкл Эрджайл.

– Да, – негромко ответил Калгари. – Слишком поздно.

– Стоило ли шум поднимать? И что это вы там про контузию рассказывали?

Калгари бесстрастным тоном вновь изложил свою историю. Странное чувство он испытывал, грубость и невоспитанность парня задела его до глубины души. Но как бы то ни было, перед ним сидел человек, небезучастный к судьбе собственного брата.

– У Джако появилось алиби, вот в чем суть, так ведь? А правильно ли вы запомнили время?

– Уверен, что правильно, – твердо произнес Калгари.

– Могли и ошибиться. Ученые известны своей рассеянностью, вечно путают время и место.

Калгари удивленно пожал плечами:

– Свое представление о рассеянном профессоре вы почерпнули из книг – надевает разные носки, не знает, какой сегодня день и что с ним произошло. Дорогой мой, работа технических специалистов требует особой точности: точные количественные показатели, точное время, точные расчеты. Уверяю вас, ошибка исключена. Я забрал вашего брата около семи часов вечера и через тридцать пять минут высадил в Драймуте.

– Но ваши часы могли врать. Или вы руководствовались часами в машине?

– Мои часы и часы в машине показывали одно и то же время.

– Джако легко мог обвести вас вокруг пальца. Он знал множество фокусов.

– Не было никаких фокусов. Почему вы так настойчиво стремитесь меня опровергнуть? Я ожидал противодействия от властей, как-никак они несправедливо осудили человека. Но не думал, что так трудно будет убедить его собственную семью.

– Значит, вы считаете, что нас убедить трудно?

– Ваша реакция кажется мне несколько... необычной.

– Мои домочадцы вам не поверили? – Мики пристально смотрел на Калгари.

– Похоже, что так...

– Не просто похоже, так и есть. Если вы чуть-чуть поразмыслите, то поймете, что в этом нет ничего необычного.

– Но почему? Какой в этом смысл? Ваша мать убита, брата осудили, а теперь выясняется, что он не совершал преступления. Вам бы радоваться, благодарить... Это же ваш брат!

– Он мне не брат. А она мне не мать.

– Что?

– Вы разве не знаете? Мы все приемыши. Все до единого. Мэри, старшую «сестру», удочерили в Нью-Йорке, а остальных нас – во время войны. Моя «мать», как вы ее называете, не могла иметь собственных детей. Вот она и создала себе милую семейку из приемышей. Мэри, я сам, Тина, Хестер, Джако. Уют, роскошь, изобилие материнской любви! Кажется, под конец она сама забыла, что мы ей не родные дети. Несчастья начались, когда она приютила Джако – своего дорогого маленького мальчика.

– Я об этом не имел представления, – признался Калгари.

– Потому и твердили как заведенный: «Ваша мать, ваш брат»! Джако был подлюгой!

– Но он не был убийцей, – решительно произнес Калгари.

Мики поглядел на него и кивнул:

– Хорошо. Вы так говорите... вы настаиваете. Джако ее не убивал. Очень хорошо... Но кто в таком случае убил ее? Вы об этом еще не думали, да? Тогда подумайте сейчас. Подумайте... и поймете, что вы для нас сделали.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Глава 4

– Вы очень добры, что снова приняли меня, мистер Маршалл, – вежливо произнес Калгари.

– Не стоит благодарности, – ответил юрист.

– Как вам известно, я съездил в «Солнечное гнездышко» и повидал семью Джека Эрджайла.

– Именно так.

– А теперь, надеюсь, хотите услышать подробности.

– Да, вы правы, доктор Калгари.

– Наверное, будет нелегко понять, зачем я снова пришел к вам... Видите ли, дело приняло неожиданный оборот.

– Да, – сказал юрист, – весьма вероятно. – Голос его, по обыкновению, был сух и лишен эмоций, и все же в нем слышалась заинтересованность, побуждавшая Калгари продолжать разговор.

– Думаю, вы уже поняли, чем закончилось дело. Я приготовился выслушать с их стороны определенную порцию... как бы это сказать... естественных упреков. Хотя моя контузия, полагаю, была проявлением воли Господней, тем не менее легко можно понять и простить недоумение этой семьи. Повторяю, я приготовился к этому и в то же время надеялся, что чувство благодарности – ведь имя Джека Эрджайла теперь очистится – подсластит горечь неприятных минут. Мои ожидания не оправдались. Совсем не оправдались.

– Понимаю.

– Возможно, мистер Маршалл, вы ожидали подобного поворота событий? Помню, меня несколько обескуражила ваша позиция во время моего предыдущего визита. Вы предвидели, какой прием меня ожидает?

– Вы еще не рассказали, доктор Калгари, какой прием вам оказали в доме Эрджайла.

Артур Калгари придвинул поближе свое кресло:

– Я полагал, что завершаю историю, предлагаю, так сказать, иное окончание уже написанному повествованию. Но мне дали почувствовать, дали понять, что я пишу не окончание, а начало новой, неизвестной главы, совершенно не похожей на предыдущую. Вы меня понимаете?

Мистер Маршалл нехотя кивнул.

– Да, – сказал он, – вы точно выразились. Я думал... предполагал... что вы не представляете всей сложности. Вы не ожидали такого поворота, поскольку ничего не знали о подоплеке происшедших событий, если не считать фактов, изложенных в судебных отчетах.

– Нет, нет, теперь я понимаю, очень хорошо понимаю. – Голос Калгари дрожал от волнения. – Не облегчение они почувствовали, не трепетную благодарность, но страх. Они испугались грядущего. Я прав?

– Я мог бы с вами согласиться, – осторожно заметил Маршалл. – Заметьте, я не высказываю свою точку зрения.

– А раз так, – продолжал Калгари, – я не имею права вернуться к своей работе с сознанием исполненного долга. Я связан с этим делом, отвечаю за то, что перевернул жизнь многих людей. Умывать руки в такой ситуации непозволительно.

Юрист откашлялся:

– Забавная точка зрения, доктор Калгари.

– Я так не считаю. Нужно отвечать за свои действия, и не только за действия, но и за их результаты. Прошло два года, как я подобрал на дороге юного путешественника. И оказался звеном в определенной цепочке событий. Чувствую, что не могу из нее вырваться.

Адвокат мерно покачивал головой.

– Прекрасно, – взволнованно продолжал Калгари. – Пусть это будет забавно, если вам так нравится. Но я руководствовался не чувствами, а своим сознанием. Моим единственным желанием было исправить то, чего я не смог предотвратить. Но я ничего не исправил. Странно, но я усугубил страдания людей, которые и без меня достаточно пострадали. Только вот не пойму, почему так вышло.

– Да, вы этого не поймете, – медленно проговорил Маршалл. – Полтора года вы прожили вне цивилизованного мира. Вы не читали ежедневных газет, не следили за криминальной хроникой, не знали мельчайших подробностей жизни этой семьи, о которых сообщалось в газетах. Возможно, вы бы и так их не прочли, но, живи вы здесь, думаю, не смогли бы об этом не услышать. Факты исключительно просты, доктор Калгари, и не составляют тайны. В свое время они были оглашены. Вывод напрашивается сам собою. Если Джек Эрджайл не мог совершить преступления – а по вашим показаниям получается именно так, – тогда кто его совершил? Вопрос возвращает нас к обстоятельствам, при которых произошло преступление. Оно случилось ноябрьским вечером между семьей и половиной восьмого в доме, где, кроме убитой, членов ее семьи и прислуги, никого не было. Дом был надежно заперт, ставни закрыты. Следовательно, если кто-то зашел с улицы, значит, его впустила сама миссис Эрджайл либо вошедший имел свой ключ, то есть, другими словами, он был ей знаком. В некотором смысле это напоминает дело Бордена в Америке, когда воскресным утром мистер Борден и его жена были убиты ударами топора. Никто ничего не слышал, никто не видел, чтобы к дому подходили посторонние. Вы понимаете, доктор Калгари, почему ваше известие не столько обрадовало, сколько расстроило домочадцев?

– Выходит, виновность Джека Эрджайла их устраивала? – в раздумье проговорил Калгари.

– О да, – откликнулся Маршалл, – решительно устраивала. Не побоюсь показаться циником, но Джек Эрджайл был самым подходящим кандидатом на роль виновного в совершившемся преступлении. Он был трудным ребенком, порочным мальчиком, человеком необузданного темперамента. В семье его без конца прощали, жалели, нянчились с ним, уверяли друг друга и посторонних в том, что он на самом деле не виноват, объясняли все его психическим состоянием... Весьма удобное оправдание!

– А теперь... – заикнулся Калгари.

– А теперь, – уточнил мистер Маршалл, – ситуация, разумеется, иная, совсем иная. Может быть, даже весьма тревожная.

Понимающе прищурив глаза, Калгари заметил:

– Вижу, что новость, сообщенная мною, вас лично тоже не обрадовала?

– Должен признаться, да. Я огорчен. Дело, законченное ко всеобщему удовлетворению и закрытое... да, я подчеркиваю, именно ко всеобщему удовлетворению... теперь надо начинать заново.

– Это официальное мнение? – спросил Калгари. – Хочу сказать, и полиция тоже считает, что дело должно быть пересмотрено?

– Несомненно, – ответил Маршалл. – Когда Джек Эрджайл единодушно был признан виновным, для чего суду потребовалось пятнадцать минут, дело завершилось, и полиция вздохнула с облегчением. А теперь, когда осужденного посмертно реабилитируют, дело придется открывать заново.

– И полиция начнет новое расследование?

– Безусловно. Конечно, времени прошло порядочно, многое с тех пор безвозвратно утрачено, и вряд ли можно будет получить какой-нибудь результат... Лично я в этом сомневаюсь. Может быть, кого-то из домашних и заподозрят. Может, разработают даже какую-нибудь версию. Но нелегко будет раздобыть конкретные доказательства.

– Понятно, – сказал Калгари, – понятно... Так вот что она имела в виду...

– О ком вы говорите? – пробурчал юрист.

– Об одной девушке, – ответил Калгари, – о Хестер Эрджайл.

– Ах да, юная Хестер, – припомнил Маршалл и сразу же поинтересовался: – Что же она вам сказала?

– Она говорила про невиновных, – ответил Калгари. – Сказала, речь идет не о виновных, речь идет о невинных. Теперь я понял, на что она намекала...

– Не сомневаюсь, что поняли. – Маршалл пристально взглянул на Калгари.

– Она говорила то же, что вы сказали мне сейчас. Что в их семье вновь поселятся подозрительность и озлобленность...

– Наверяд ли – вновь, – перебил его Маршалл. – Подозрительность пока что не посещала эту семью. С самого начала виновным посчитали Джека Эрджайла.

Калгари не обратил внимания на это уточнение.

– В семье поселится подозрительность, – повторил он, – и останется в этом доме надолго... может быть, навсегда. В семье кто-то совершил преступление, а кто именно, неизвестно. Члены семьи начнут коситься друг на друга – строить догадки... Да, хуже не бывает. Ведь они и сами не знают кто...

Наступило молчание. Маршалл одобрительно поглядывал на Калгари.

– Знаете, что ужасно... – взволнованно произнес Калгари, не скрывая переполнявших его эмоций. – Ужасно, что год сменяется годом, а ты живешь в неведении и с затаенной подозрительностью зришь на близкого тебе человека. Загубленная любовь, нарушенное доверие...

– Не слишком ли большую волю вы дали своей фантазии?

– Нет, – возразил Калгари. – Я не фантазирую. Простите меня, мистер Маршалл, но я лучше и точнее вас представляю ситуацию. И понимаю, какие могут быть последствия.

Вновь наступило молчание, которое вновь нарушил Калгари:

– Это значит, что невиновный будет обречен на страдание... А невиновный не должен страдать, страдать должен виновный. Поэтому я не имею права умыть руки, не могу удалиться со словами: «Я поступил правильно, сделал, что мог, – послужил справедливости». Мой поступок не сослужил добрую службу справедливости. Я не возложил тяжесть обвинения на преступника, но запятнал подозрениями невинных.

– Кажется, вы немного преувеличиваете свою роль, доктор Калгари. В ваших словах, несомненно, есть доля истины, но не пойму, что вы можете сделать.

– Я и сам не пойму, – признался Калгари, – но хочу попытаться. Поэтому и пришел к вам, мистер Маршалл. Хотелось бы... думаю, я имею на это право... узнать закулисную сторону дела.

– О, хорошо, – оживился мистер Маршалл. – Тут секретов нет. Могу представить вам любые факты, какие только пожелаете. Впрочем, и мне известно немного. Близких отношений с этой семьей у меня никогда не было. Наша фирма в течение ряда лет обслуживала миссис Эрджайл. Мы сотрудничали с ней в деле организации многочисленных фондов, обеспечивали юридическую защиту ее интересов. Саму миссис Эрджайл, как и ее супруга, я знал довольно хорошо. Об атмосфере «Солнечного гнездышка», темпераментах и характерах людей, там проживающих, знаю только из вторых рук, по рассказам миссис Эрджайл.

– Понимаю вас, – сказал Калгари, – но вот с чего я хотел бы начать. Как мне известно, это не ее собственные дети. Они приемные?

– Именно так. Миссис Эрджайл, урожденная Рэчел Констам, – единственная дочь Рудольфа Констама, весьма состоятельного человека. Ее мать американка, тоже очень богатая женщина, имевшая собственные средства. Рудольф Констам всю жизнь занимался филантропией и с детства прививал дочери интерес к благотворительности. Он и его жена

погибли в авиационной катастрофе, и Рэчел использовала унаследованное от родителей состояние на организацию филантропических мероприятий. Она вкладывала в них собственные деньги и сама участвовала в работе многих организаций. Позже она повстречала Лео Эрджайла. Лео преподавал в Оксфорде, интересовался экономикой и социальными вопросами. Чтобы полностью понять миссис Эрджайл, надо учесть, что величайшей трагедией ее жизни была неспособность иметь детей. Известно, этот недостаток омрачал жизнь многим женщинам. Она посещала разных специалистов и, когда поняла, что ей не суждено стать матерью, нашла способ облегчить свои страдания. Вначале она удочерила девочку из нью-йоркских трущоб – сейчас это миссис Дюрант. Миссис Эрджайл всецело посвятила свою благотворительность детям. Накануне войны, в 1939 году, она, использовав расположение министра здравоохранения, организовала приют для детей и купила с этой целью дом, который вы посетили, – «Солнечное гнездышко».

– Тогда его называли «Змеиное гнездышко», – сказал Калгари.

– Да, да. Кажется, таково его истинное название. Хм, возможно, это более точное название, чем «Солнечное гнездышко». В 1940 году там находилось примерно двенадцать-шестнадцать беспризорных детей, не эвакуировавшихся со своими семьями. Для этих детей она делала все. Им отвели роскошный дом. Я возражал, полагая, что после нескольких лет войны детям будет тяжело возвращаться из окружающей их роскоши в свои собственные дома. Она не считалась с моим мнением, ибо была безгранично привязана к детям. Наконец ей захотелось приютить у себя нескольких детей из наиболее трудных семей, а также сирот. В результате в семье оказалось пятеро детей. Во-первых, это Мэри, которая теперь замужем за Филипом Дюрантом. Затем Майкл, который работает в Драймуте. Потом Тина, ребенок непонятно какой национальности. Наконец, Хестер и, разумеется, Джако. Они называли Эрджайлов отцом и матерью, получили хорошее образование, денег на это не жалели. Словом, условия жизни у них были самые благоприятные, они ни в чем не испытывали недостатка. Джек, или Джако, как его называли в семье, всегда доставлял одни лишь хлопоты. В школе он украл деньги, и его оттуда выгнали. На первом году в университете угодил в какую-то неприятную историю, дважды чудом избежал тюрьмы. Темперамент имел необузданный. Однако все это вы уже, наверное, слышали. Дважды Эрджайлы по доброте душевной переводили на его счет деньги. Дважды он их вкладывал в дело, и оба раза предприятия прогорали. После смерти Джако его вдова получила пособие, которое, кажется, до сих пор ей выплачивают.

– Вдова? Никто мне не говорил, что он женат.

– Милый мой, – произнес адвокат извиняющимся тоном. – Само собой, я забыл, что вы не читали газетных отчетов. Замечу, что и в семье Эрджайл об этом не знали. Вскоре после ареста Джако его жена в страшном смятении появилась в «Солнечном гнездышке». Мистер Эрджайл очень хорошо к ней отнесся. Она молода, работает лоточницей в кинотеатре Драймута. Я забыл сообщить вам о ней, поскольку через несколько недель после смерти Джека она вновь вышла замуж. Ее нынешний супруг, кажется, работает электриком в Драймуте.

– Мне необходимо ее увидеть, – сказал Калгари и добавил с упреком в голосе: – Прежде всего нужно было встретиться с ней.

– Конечно, конечно. Я дам вам адрес. И в самом деле не пойму, почему я не сказал про нее, когда вы в первый раз ко мне приходили.

Калгари промолчал.

– Она такая... гм... незаметная личность, – пытался найти себе оправдание адвокат. – Даже газеты не уделяли ей много внимания... мужа в тюрьме ни разу не навестила... никакого интереса к нему не проявила.

– Можете вы мне точно сказать, кто был в доме в тот вечер, когда убили миссис Эрджайл? – глубоко вздохнув, спросил Калгари.

– Разумеется, могу. – Маршалл внимательно посмотрел на него. – Лео Эрджайл и самая младшая дочь, Хестер. Мэри Дюрант с мужем-инвалидом пришли в гости. Он как раз только что вышел из больницы. Затем, там была Кирстен Линдстрем... возможно, вы ее видели. Она шведка, опытная сиделка и массажистка, приехала помогать миссис Эрджайл в детском приюте, да так с тех пор и осталась. Майкла и Тины не было. Майкл торгует автомобилями в Драймуте, а Тина работает в местной библиотеке Редмина и там же живет.

Также была мисс Воугхан, секретарь мистера Эрджайла, – помолчав, продолжил Маршалл. – Она ушла из дому до того, как обнаружили труп.

– Я, кажется, ее видел, – подтвердил Калгари. – По-моему, она очень... привязана к мистеру Эрджайлу.

– Да, да. Думаю, скоро объявят о помолвке.

– Хм!

– После смерти жены он чувствует себя очень одиноко, – с оттенком снисходительности пояснил адвокат.

– Видимо, так, – согласился Калгари и поинтересовался: – А каковы мотивы преступления, мистер Маршалл?

– Дорогой доктор Калгари, не имею на сей счет ни малейшего представления!

– Я думал, имеете. Как вы сами сказали, все факты подтвердились.

– Деньги никого не интересовали. Миссис Эрджайл была членом ряда учрежденных ею фондов, в которые вложила большую часть своего состояния. Эти фонды отвечали за состояние ее детей и управлялись доверенными лицами. Одним доверенным лицом был я сам, другим – Лео, а третьим – некий американский юрист, кузен миссис Эрджайл. Эти фонды распоряжались крупными денежными суммами.

– А что можно сказать про мистера Эрджайла? Разве жена не оставила ему часть своего состояния?

– Большая часть ее состояния, как я сказал, была вложена в фонды. Она оставила ему лишь незначительную часть своего имущества.

– А мисс Линдстрем?

– За несколько лет до этого миссис Эрджайл выделила мисс Линдстрем очень приличную ренту. Мотивы? Кажется мне, о мотивах и говорить не приходится. – Маршалл не скрывал раздражения. – Тем более о финансовых мотивах.

– А как насчет эмоций? Что-нибудь глубоко личное... какие-нибудь размолвки.

– Тут, боюсь, я вам не помощник, – безапелляционным тоном заявил Маршалл. – Никогда не интересовался семейной жизнью.

– А кто мог бы мне помочь?

– Вам бы стоило повидать местного врача, – после долгого раздумья нехотя произнес Маршалл, – доктора Макмастера – такая, кажется, у него фамилия. Сейчас он на пенсии, но живет по соседству. Во время войны работал в приюте у миссис Эрджайл. Жизнь «Солнечного гнездышка» ему хорошо знакома. Убедите его что-нибудь рассказать. Если согласится, вероятно, окажется вам полезен. Впрочем, извините меня, вряд ли вы сумеете что-нибудь сделать, чего бы полиция не добилась гораздо меньшими усилиями.

– Не знаю, – сказал Калгари. – Видимо, не сумею. Но одно несомненно: надо попробовать. Да, попытка не пытка.

Глава 5

Брови главного констебля медленно поползли вверх по широкому лбу в тщетной попытке достичь границы поседевших волос. Он закатил глаза под потолок, а потом вновь поглядел на разложенные на столе бумаги.

– Уму непостижимо! – заявил он.

Молодой человек, в чьи обязанности входило соответствующим образом поддакивать главному констеблю, подтвердил:

– Да, сэр.

– Веселенькая история, – пробормотал майор Финней. Он побарабанил пальцами по столу и спросил: – Хьюш здесь?

– Да, сэр. Помощник инспектора Хьюш прибыл примерно пять минут назад.

– Хорошо, – сказал главный констебль. – Пошли-ка его ко мне.

Помощник инспектора Хьюш был высоким мужчиной с печальным взглядом тоскующих глаз. Глядя на его меланхолическую внешность, никто бы не поверил, что он был душой всех детских компаний, а его неистощимые шуточки и умение доставать пенни из детских ушей всегда вызывали бурный восторг детворы.

– Доброе утро, Хьюш, веселенькая история приключилась, – проговорил главный констебль. – Что ты об этом думаешь?

Помощник инспектора надсадно вздохнул и уселся на предложенный стул.

– Кажется, два года назад мы допустили ошибку, – сказал он. – Тот парень... как его фамилия...

– Калори... нет, Калгари. – Главный констебль пошуршал бумагами. – Профессор. Наверное, рассеянный парень? Такие люди зачастую имеют смутное представление о времени и тому подобных вещах. – В голосе звучало настойчивое желание услышать подтверждение высказанной мысли, но Хьюш не отозвался на этот призыв. Он сказал:

– Насколько я понимаю, он ученый.

– Значит, считаешь, надо с ним согласиться?

– Хм, – промычал Хьюш. – Сэр Реджинальд, кажется, не высказал сомнений по этому поводу, не думаю, что кто-нибудь осмелится ему возразить.

Такой весьма лестной оценки удостоился руководитель местной прокуратуры.

– Что ж, – без энтузиазма продолжил майор Финней. – Если прокуратура осознала свой промах, то и нам следует сделать то же самое. Значит, надо снова открывать дело. Ты принес мне соответствующие данные, как я просил?

– Да, сэр. Вот они.

Помощник инспектора разложил на столе многочисленные документы.

– Проглядел? – спросил главный констебль.

– Да, сэр. Весь вечер потратил, освежил память. Да и не так уж давно все это случилось.

– Хорошо, давай посмотрим. С чего начнем?

– Сначала, сэр, – предложил помощник инспектора. – Такая закавыка случилась, ведь в то время никаких сомнений не возникало.

– Да, – протянул главный констебль. – Дело казалось яснее ясного. Я не обвиняю тебя, Хьюш. Сам виноват на все сто процентов.

– И зацепиться было не за что, – задумчиво проговорил Хьюш. – По телефону сообщили об убийстве. Узнали, что мальчишка ей угрожал, обнаружили отпечатки пальцев на кочерге, его отпечатки, деньги нашли. Задержали его сразу же, у него были деньги.

– Какое впечатление тогда он на тебя произвел?

Хьюш задумался.

– Скверное, – произнес он. – Чересчур наглый, ягненком прикидывался. Изворачивался как мог, алиби выставлял с точностью до минуты, наглец. Известное дело, все убийцы – первостепенные наглецы. Думают, что очень умные. Полагают, хорошее дело сотворили, а как другие люди на это посмотрят, их не касается.

– Да, – согласился Финней, – видно, тот еще тип. Все документы это подтверждают. Ты сразу же разглядел в нем убийцу?

Помощник инспектора задумался.

– Не было повода усомниться, отпетый парень. Такие часто становятся убийцами, наподобие Хермона в 1938 году. У него большой послужной список: и велосипеды он воровал, и деньги прикарманивал, и пожилых женщин обдуривал, а в довершение всего поозорничал с одной женщиной, потом это у него в привычку вошло. Вот такой он, Джако Эрджайл.

– Но все-таки, – в раздумье протянул главный констебль, – мы здорово напортачили.

– Да, – подтвердил Хьюш, – напортачили. А парень копыта отбросил, дело скверное. Но замечу, с вашего разрешения, – встрепенувшись, продолжал он, – парень все-таки был еще тот. Может, и не убивал никого, новые факты о том свидетельствуют, и мы это теперь установили... Но и на ангела тоже не похож.

– Хм, ловко получается, – огрызнулся Финней, – кто же ее все-таки убил? Ты ведь этим делом занимался. Кто-то ее убил. Не сама же она почесала себе затылок кочергой, кто-то ей помог. Так кто же?

– Интересно бы узнать, – вздохнул помощник инспектора, откидываясь на спинку кресла.

– Запутанное дельце, а?

– Да, дело дохлое, фактов маловато. Вообще, не представляю, где их брать, эти факты-то.

– А не подумать ли о тех, кто был в доме, заходил к ней?

– Ума не приложу, кто бы это мог быть, – ответил помощник инспектора. – Кто-то из домашних или незнакомец, которому она сама дверь открыла и позволила войти. Эрджайлы имели крепкие запоры. Ставни на окнах, засовы, цепочки, на входной двери несколько надежных замков. Пару лет назад их пытались ограбить, они были научены горьким опытом. – Он помолчал, потом снова заговорил: – Беда в том, сэр, что в свое время мы довольно поверхностно осмотрели место преступления. Посчитали вину Джако Эрджайла установленной. Понятное дело, убийца ловко использовал ситуацию.

– Воспользовался случаем, что парень поругался с матерью и угрожал ей?

– Да. Убийце оставалось лишь зайти в комнату, надеть перчатки, подобрать брошенную Джако кочергу, приблизиться к столу, за которым сидела, работая над документами, миссис Эрджайл, и огреть ее по голове.

– Зачем? – произнес майор Финней одно лишь короткое слово.

Хьюш в раздумье покивал.

– Да, сэр, это мы и хотели выяснить. Главный камень преткновения – отсутствие мотива.

– С самого начала было ясно, для чего ее прикончили, – сказал главный констебль. – Как и многие богатые люди, миссис Эрджайл заблаговременно позаботилась о том, чтобы ее детям не пришлось платить налога на наследство. Эти фонды с доверительным управлением – вполне законное дело. Ее смерть не приносила им ничего сверх того, что они уже имели. Она не изводила их своими нравоучениями и при жизни щедро на них тратилась. Все получили хорошее образование, достаточные средства для начала самостоятельной деятельности, имели карманные деньги на личные расходы. Одним словом, любовь, доброта, благожелательность.

– Это так, сэр, – согласился Хьюш, – вроде бы никому ее смерть не нужна была. Только... – Он замолчал.

– Да, Хьюш?

– Мистер Эрджайл, как я понимаю, подумывал о новой женитьбе. Облюбовал мисс Гвенду Воугхан, она много лет у него секретарем проработала.

– Гм, – промычал майор Финней. – Видимо, это мотив. Тогда мы об этом не подумали. Говоришь, много лет у него проработала? Думаешь, они уже спутались, когда случилось убийство?

– Сомневаюсь, сэр. О таких вещах в деревне быстро начинают болтать. Ничего такого между ними не было. Миссис Эрджайл не имела оснований тревожиться и возмущаться.

– Ладно, – сказал главный констебль, – он вполне мог ей просто симпатизировать.

– Гвенда Воугхан молода и хороша собой. Не красавица, но привлекательна и, я бы сказал, даже мила.

– Вероятно, за долгие-то годы к нему привязалась, – предположил майор Финней. – Эти секретарши всегда влюбляются в своих шефов.

– Вот мы и пришли к тому, что у этой парочки имелся достаточно серьезный мотив, – попытожил обсуждение Хьюш. – Потом, там была еще одна девушка из Швеции, экономка. Клянется, что любила миссис Эрджайл, но кто знает? Может, между ними возникали какие-то трения и она могла посчитать себя обиженной. Правда, в случае смерти миссис Эрджайл она ничего не приобретала, та уже выделила ей довольно приличную ежегодную ренту. Трудно представить, будто эта милая, благоразумная женщина могла ударить кого-то кочергой по голове! Но в душу не влезешь, так ведь? Вспомните дело Лизи Боден.

– Да, – согласился главный констебль, – чужая душа – потемки. Значит, о постороннем вторжении и речь не идет?

– Никоим образом, – отозвался помощник инспектора. – Ящик письменного стола, в котором лежали деньги, был выдвинут. Попытались создать впечатление, будто в комнате побывал грабитель, но все было сделано слишком непрофессионально. Поэтому и заподозрили юного беднягу Джако.

– И с деньгами что-то непонятное произошло, – заметил главный констебль.

– Да, – поддержал его Хьюш. – Это трудно объяснить. Обнаруженная у Джека Эрджайла одна из пятифунтовых купюр находилась в той самой пачке денег, которую миссис Эрджайл получила поутру в банке. На обратной стороне купюры была написана фамилия: миссис Ботлбери. Джако утверждал, будто деньги дала ему мать, но мистер Эрджайл и Гвенда Воугхан совершенно определенно заявили: без четверти семь миссис Эрджайл вошла в библиотеку и сказала, что в ответ на домогательства Джако не дала ему ни единого пенни.

– Неудивительно, – проронил главный констебль, – если предположить, что Эрджайл и Воугхан водят нас за нос.

– Возможно, и все-таки... – Помощник инспектора неожиданно замолчал.

– Да, Хьюш?

– Допустим, кому-то... назовем его или ее просто Икс... удалось подслушать ссору и угрозы, которые Джако обрушивал на свою мать. Допустим, Икс этим воспользовался. Взял деньги, догнал мальчишку и вручил ему купюру, сказав, что мать передумала. Словом, Икс ловко подтасовал факты. Кочергой он орудовал с большой осмотрительностью, чтобы не стереть отпечатков пальцев Джека Эрджайла.

– Проклятье! – чертыхнулся главный констебль. – Насколько я знаю, никто из этой семьи не соответствует подобной роли. Кто еще в тот вечер, кроме Эрджайла с Гвендой, Хестер и этой бабенки Линдстрем, был в доме?

– Самая старшая их дочь, Мэри Дюрант, со своим мужем.

– Он, кажется, калека? В счет не идет. А какова Мэри Дюрант?

– Сама невозмутимость, сэр. Представить нельзя, что она способна разозлиться, а уж тем более кого-то убить.

– Слуги? – спросил главный констебль.

– Все слуги приходящие, сэр, к шести часам они расходятся по домам.

– Позволь-ка я загляну в «Таймс».

Помощник инспектора подал ему газету.

– Хм... да, понятно. Без четверти семь в библиотеке миссис Эрджайл рассказала супругу про угрозы Джако. Гвенда Воугхан слышала начало этого разговора. Сразу после семи часов она отправилась домой. Хестер Эрджайл видела мать живой без двух или трех минут семь. После этого миссис Эрджайл не видели вплоть до половины восьмого, когда мисс Линдстрем обнаружила труп. За это время мало ли что могло произойти. Ее могла убить Хестер. Ее могла перед уходом убить Гвенда Воугхан. Ее могла убить мисс Линдстрем, когда «обнаружила» труп. Лео Эрджайл пребывал в одиночестве в библиотеке с десяти минут восьмого до тех пор, пока мисс Линдстрем не подняла тревогу. В течение этих двадцати минут он мог пройти в гостиную к своей супруге и убить ее. Мэри Дюрант, которая находилась наверху, имела в своем распоряжении полчаса и также могла спуститься вниз и убить свою мать. И сама миссис Эрджайл, – продолжал в задумчивости Финней, – могла кому-то отпереть дверь, мы полагали, что она открыла дверь Джеку Эрджайлу. Если помнишь, Лео Эрджайл заявил, будто бы слышал, как прозвенел звонок и хлопнула дверь, но не заметил, когда это произошло. Мы пришли к выводу, что вернулся Джако и убил матушку.

– Ему не нужно было звонить, – сказал Хьюш. – У него имелся ключ. В этой семье у каждого был свой ключ.

– Кажется, у него есть еще один брат?

– Да, Майкл. Торгует машинами в Драймуте.

– Думаю, надо выяснить, чем он занимался в тот вечер.

– Спустя два года? Вряд ли кто-нибудь это вспомнит, а?

– Тогда мы его допрашивали?

– Насколько я помню, он проверял машину одного покупателя. Подозревать его не было оснований, но и у него был собственный ключ, он тоже мог прийти и убить свою мать.

– Не знаю, что тебе посоветовать, Хьюш, – тяжело вздохнул главный констебль. – Не знаю, с какого конца подступиться.

– Мне самому не терпится узнать, кто же ее ухлопал. По моим сведениям, она была чудесной женщиной. Много доброго сделала, бездомным детишкам помогала. Таких людей не убивают. Да, очень хотелось бы узнать. Даже не для того, чтобы перед прокурором отчитаться, а просто для самого себя.

– Что ж, желаю успеха, Хьюш. К сожалению, зацепиться не за что, не огорчайся, если ничего не получится. Дело дохлое. Абсолютно дохлое.

Глава 6

В зале медленно угасали светильники, и на экране замелькали рекламные объявления. Засуетились лоточницы, предлагавшие зрителям лимонад и мороженое. Артур Калгари внимательно наблюдал за ними. Одна из них была пухленькая и рыжеватая, другая – высокая и темноволосая, а третья – маленькая блондиночка. Ради нее он сюда и пришел, ради жены Джако. Точнее говоря, ради вдовы Джако, ныне жены человека по имени Джо Клег. У нее была миловидная, но довольно простоватая мордашка, щедро наштукатуренная косметикой, подведенные брови и обезображенные дешевым перманентом волосы. Калгари купил у нее стаканчик мороженого. Он знал ее адрес и сначала хотел было сразу нанести домашний визит, но потом решил присмотреться к ней заранее. Хм, так вот какая она! Вряд ли подобная невестка, подумал он, обрадовала бы миссис Эрджайл. Теперь ясно, почему Джако ее никому не показывал.

Он вздохнул, засунул под сиденье стаканчик с мороженым и откинулся на спинку стула. Свет наконец погас, и на экране мелькнули первые кадры кинофильма. Калгари поднялся и вышел из зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.